

Через межу — эпизод 3 из 5

Теневой треугольник за будкой удивил Кочеткова: так все показалось ему необычным. Даже его собственный зипунишко, раскинутый веером, смотрел привлекательно. Посуду пополнили широкие листья папоротника. На них холодный картофель, соль, ягоды, черный хлеб, откуда-то появившийся белый калач, нарезанный ровными кусками, и пара яиц.

— Садись, хозяин, — гостем будешь, — пошутила Фаина. Было заметно, что она довольна произведенным впечатлением.

— Может, уху бы сварить? — предложил Кочетков. — Рыба у нас всегда есть. Живая... Вон там около заездка.

— Долгое дело. Съешь вот яичко, картофель в соль макни, и будем чаек попивать. С калачом... С ягодами... С разговором, — особо подчеркнула она последнее слово.

— О чем это?

— Поешь сначала, потом спрашивать стану.

Получив после еды из рук Фаины чашку с горячей жидкостью, кусочек сахара и калач, Кочетков напомнил:

— Ну, спрашивай.

— Расскажи вот, как ты в бакенщики попал? Такой молодой за стариковское дело сел?

— Да, видишь, бедность наша, — серьезно проговорил парень. — Ты это верно сказала, что в мои годы по деревням давно семьями обзаводятся, а как женишься да и кто за тебя пойдет... Сама посуди. В семье девять едоков, отец инвалид, мать хвора, еле по дому управляется, а работников только двое: я да сестренка старшенькая, по семнадцатому году. Лошаденка стрень-брень, коровы вовсе нет. Мастерства, кроме крестьянского, не знаю, грамота слабая, да еще и нога не в порядке. Вот и женись!

— Что у тебя с ногой-то? — участливо спросила Фаина.

— Это у меня от гражданской войны осталось...

— Ты разве воевал? — удивилась Фаина.

— Нет, я в ту пору подлетком был. По четырнадцатому году. А как тятя ушел с Красной Армией, на нас налетели. Я хотел спрятаться, да меня один наш же деревенский кулачище нашел и с сарая сбросил. Ногу я тут и сломал. Срослась она, только маленько неправильно. В армию из-за этого не приняли, подучиться не дали. А кулак тот сбежал вместе с колчаковцами. Может, и теперь живет, да ведь не узнаешь. Всю, можно сказать, жизнь испортил. Гонялся я за ним, да с дороги воротили.

— Как это?

— Когда наши обратно шли, я добровольцем объявился. Ростом-то, видишь, не из мелких, меня и приняли. Просто тогда с этим было. До Тюмени дошел, а там отчислили.

«Ворочайся, говорят, парнишка, домой. Молодых там организуй!»

Тут еще с отцом встретился. Он тоже домой направляет:

«Матери хоть поможешь, а то она совсем извелась на работе».

Так у меня с этим и не вышло, и дома толку не получилось. Недавно вон приезжал к нам один знакомый из окружного комитета, стыдил нас с отцом. «Какие, говорит, вы партийцы, коли у вас в деревне артели нет». А что сделаешь? Народишко-то у нас пригородный. На базаре привык сидеть больше, либо при реке какой случай ждут, чтоб сорвать. Дачником тоже разбалованы. Теперь, правда, с дачником на убыль пошло. По домам отдыха больше разъезжаются, а в отдельности по дачам редко кто живет.

— Это же и у нас, — подтвердила Фаина. — Земляника поспела, а в деревне только три приезжих семьи. А насчет спекулянтства да речного варначества промашки не дают.

— Вот я и придумал сюда поступить. Спрашивали тут человека. Все-таки тридцать три рубля в месяц и приварок готовый: грибов сколько хочешь, рыба есть, ягоды собираю. Корзины тоже плету — все копейка, а главное, при доме. Отоспишься здесь за дежурство, дома и воротишь без передыху. А дело какое? Ходовая борозда тут широкая, надежная. Меньше двух метров глубины не бывает, перекатов нет. Когда-когда плотом белый бакен срежет. Поставишь его, за вехами следишь да вечером огни зажигаешь. Вовсе спокойное место. Только скука донимает. Одуреешь за неделю. То вот и присватываюсь.

Вздыхнув, Кочетков продолжал:

— По-доброму отцу бы тут сидеть, да не может на столб залезать. На тот вон,
— и пояснил: — фонарь зажигать и знаки переставлять.

— Знаю я, — откликнулась Фаина. — В Нагорье как раз против перевального столба живем. Присмотрелась. Большой шар — метр, крестовина — двадцать сантиметров, маленький шарик — пять. Всю работу изучила. Одно не знаю, как место узнавать, когда бакен плотом своротит. За этим вот к тебе и подошла, не научишь ли?

— Отчего не научить, только на что тебе?

— Дело-то у меня, парень, не лучше твоего, — и Фаина рассказала свою историю.